

— Ши-гэ, иди скорее парить ноги, а потом выпей лекарство! — Вэй Цю вошел в комнату, неся чашку с отваром.

В уютном свете свечи они уселись вместе, опустив ноги в теплую воду.

Вэй Цю примостился на маленькой табуретке и принялся массировать ногу Шинаня.

— Ну как? Ты пьешь лекарство уже несколько дней, чувствуешь облегчение?

Шинань сидел на кане, глядя на Вэй Цю сверху вниз: — Намного лучше! Пропала та распирающая боль и онемение, что были раньше.

Вэй Цю удовлетворенно кивнул: — Вот и славно. В следующем году сходим проверимся еще раз.

Шинань ласково погладил его по голове: — Ладно тебе, хватит разминать, отдохни.

— Тогда пей скорее, пока не остыло!

Шинань запрокинул голову и одним глотком осушил чашку, поставив её на маленький столик на кане. Затем он подхватил Вэй Цю с табуретки, усадил рядом и принялся сам вытирать ему ноги.

— Я пойду вылью воду, а ты быстро ныряй под одеяло, — скомандовал Шинань.

Если Вэй Цю сразу не согревал ноги после мытья, они быстро становились ледяными, и потом приходилось долго отогревать их в постели.

Вылив воду, Шинань сходил в дровяник и принес еще поленьев, чтобы подбросить в печь среди ночи.

— Скорее иди сюда, я уже согрел тебе место! — Вэй Цю в тонкой ночной одежде ждал его, весело прищурившись.

Шинань улыбнулся: — Спим? Или еще подождем? — он имел в виду, задувать ли лампу.

— Спим! Давай, туши свет, масло зря тратится.

Шинань задул лампу и лег в постель. К нему тут же прильнуло теплое тело, и он крепко обнял супруга, заключая в кольцо своих рук.

— Ах... как хорошо, тепло! — Вэй Цю потихоньку просунул руку под рубаху Шинаня, с обожанием ощупывая его крепкий, тренированный торс.

Шинань не стал ему мешать, лишь поплотнее подоткнул одеяло.

— Что будем есть завтра на завтрак? — пробормотал Вэй Цю, зарываясь носом в его грудь.

— А чего бы тебе хотелось? Я приготовлю, — тихо отозвался Шинань.

— Разбуди меня завтра пораньше, я приготовлю тебе яичный крем (чжэндань). Бабушка учила меня одному способу, получается невероятно вкусно...

Шинаню не хотелось, чтобы тот вставал в такую рань — зимой самое время отсыпаться и

набираться сил.

— Слишком рано. Ты просто научи меня, и я сам приготовлю для тебя.

— Научить тебя? Хм, это вообще-то мой секретный рецепт... — Вэй Цю шутливо ущипнул его за бок.

Шинань со смехом шлепнул его пониже спины: — Не балуйся, выкладывай давай...

Слыша, как в груди Шинаня рокошет смех, Вэй Цю и сам невольно улыбнулся.

— Ладно, так и быть! Помнишь, мы вечером ели рис? Я оставил рисовый отвар. Если готовить яичный крем на нем, он получается необычайно нежным...

— Правда? И сколько нужно этого отвара?

— Разбей три яйца, добавь щепотку соли и полчашки рисового отвара. Хорошенько взбей, сними пенку и ставь в пароварку. В самом конце посыпь зеленым луком и капни капельку кунжутного масла. Вот и всё.

Шинань запомнил каждое слово.

— Завтра утром приготовлю. А теперь — спать...

— Хорошо, — Вэй Цю поцеловал его в подбородок и закрыл глаза.

Шинань крепче прижал его к себе и тоже погрузился в сон.

Посреди ночи снова пошел снег. Шинань встал подбросить дров, взглянул в окно и, вернувшись в постель, растер руки, чтобы не холодить мужа. Он заботливо подоткнул края одеяла и положил сверху тяжелую верхнюю одежду, чтобы Вэй Цю не раскрылся во сне и не простудился.

Почувствовав движение, Вэй Цю сонно пробормотал: — Ходил печь топить?

Шинань погладил его по спине: — Да... топил. Спи...

Вэй Цю снова уснул, а Шинань лежал, глядя в потолок, и вспоминал, как днем Вэй Цю храбро бросился на его защиту. Он невольно улыбнулся.

Вэй Цю всегда казался ему мягким и кротким. Немного отстраненным с чужими, застенчивым, из тех, кто никогда не затеет ссору. Но сегодня он впервые увидел его таким яростным — настоящий маленький фитилек: чиркни спичкой, и вспыхнет.

После ухода Цянь-ши они оба молчаливо договорились не поминать старое. Вэй Цю, вероятно, не хотел его расстраивать, а самому Шинаню было и вовсе всё равно — в его мире теперь не было места никому, кроме Вэй Цю. Пока его супруг в безопасности и здоров, ему больше ничего не нужно.

Снег медленно падал, и светлое ночное небо затянули тяжелые тучи — казалось, приближается настоящая буря.

Утром, когда Вэй Цю проснулся, завтрак был уже готов. Умывшись, они уселись за маленький столик на кане. Вэй Цю зачерпнул ложкой кусочек нежного, дрожащего яичного крема и

протянул Шинаню.

— Попробуй! Ну как, вкусно?

Шинань съел — крем был невероятно гладким и тающим. Такую изысканную еду он пробовал впервые в жизни. В доме Чэн ему подобные лакомства не полагались, а в армии о таком и мечтать не приходилось.

— Ешь сам, — Шинань подтолкнул миску к Вэй Цю.

Тот съел ложечку и зажмурился: — М-м... тот самый вкус из детства! На рисовом отваре он еще нежнее, чем на воде. Когда я учился, бабушка каждое утро готовила мне такую миску. А когда её не стало, я почти перестал его есть — самому для себя возиться было лень.

Шинань почувствовал, как сердце наполняется нежностью: — Теперь я буду готовить его тебе каждый день.

Вэй Цю с улыбкой кивнул: — Каждый день не надо, давай раз в пару дней.

— Как только захочешь — так и приготовлю! Мне совсем не трудно.

Разделив миску крема на двоих, они вышли во двор размяться и почистить снег. На улице стало заметно холоднее. Шинань сходил на задний двор проверить ловушки и спустился к подножию горы. Удача улыбнулась ему: в силочку попался кролик, уже едва живой от холода. Шинань принес его домой, быстро разделал, а Вэй Цю тем временем вскипятил воду и подготовил соль для засолки.

После обеда они грелись у очага, когда к ним заглянули давние друзья — Мэн Цюань и Линь Цао. С собой они принесли Дань-даня, закутанного так плотно, что он был похож на меховой шар.

Вэй Цю с восторгом подхватил малыша и дважды крепко расцеловал. На глазах у маленького Дань-даня еще блестели слезинки...

— Кто же это обидел нашего Дань-даня? — засмеялся Вэй Цю.

Смышленный малыш покосился на отца и поскорее спрятал лицо на груди у Вэй Цю.

Мэн Цюань расхохотался: — Холодно на улице, мы не хотели его брать. Но как только услышал, что идем к вам — вцепился и ни в какую не отпускал!

Линь Цао тоже улыбнулся: — Вцепился в отца и ревел полчаса — так ему хотелось с нами. Совсем засиделся дома в четырех стенах.

Вэй Цю усадил гостей и принялся запекать батат для малыша. Все устроились вокруг очага, попивая горячую воду с имбирем и тростниковым сахаром.

— Слышали, вчера та особа из семьи Чэн к вам навещала? — спросил Линь Цао.

Вэй Цю кивнул, мельком взглянув на Шинаня.

— А вы как узнали?

Мэн Цюань отхлебнул сладкой воды и удовлетворенно вздохнул: — Тепло-то как... Да в их доме

сегодня такой скандал разразился! Уже вся деревня об этом трубит.

Вэй Цю обтирал лицо Дань-даня теплым полотенцем, но, услышав это, оживился: — А что случилось? Рассказывайте скорее!

Линь Цао подхватил рассказ: — С самого утра старуха велела Цянь-ши нанять повара и закатить пир — мол, юбилей нужно справлять с размахом. Еще приплетала, что раз в этом году в семье покойник был (намек на Шидуна), в доме беспокойно, надо, мол, радостным событием беду отвести. А Цянь-ши в крик: денег, говорит, нет.

— Старуха в ответ такой скандал закатила! Говорят, они еще с вечера начали. Третий брат обещал помочь, решили вдвоем серебро собирать. Цянь-ши вроде тоже сначала согласилась.

— А сегодня утром пошла на попятную: мол, не будем пир устраивать, просто посидим семьей за одним столом. Но старуха — ни в какую! Особенно когда увидела, что её доченька, та золовка из города, приехала. Почувствовала поддержку и давай неистовствовать. В итоге в пылу ссоры и выболтали, что Гуанцзун прикарманил больше ста лянов серебра на каких-то откатах.

— Тут уж в доме настоящий котел закипел! Третий брат, Чэн Лаосань (Чэн Третий), сразу сообразил, зачем вчера Цянь-ши его звала — хотела, чтобы он за юбилей заплатил и долги её сына прикрыл, сделав его «козлом отпущения». Его жена, Лю-ши, как поняла это — тоже в крик! В общем, всё утро у них дым коромыслом. А та золовка из города еще порывалась людей послать, чтобы вас силой привели!

— Но слухи дошли до дядюшки-старосты, и он их на месте осадил. Сказал: если хотите силой звать, пойдёте сначала в управу разбираться. Те сразу струхнули. Пришлось старосту звать, чтобы их рассудил...

Мэн Цюань весело добавил: — Мы всё утро этот цирк наблюдали, вот и решили зайти, рассказать вам...

Шинань лишь усмехнулся, ничего не сказав, а Вэй Цю в душе ликовал. Пусть их дом хоть до основания развалится от этих ссор — репутация семьи Чэн в деревне и так была ниже некуда. И какой толк от сына-ученика? В древности для ученых честь семьи и доброе имя были превыше всего. С такой семейкой Чэн Яоцзу о карьере чиновника может даже не мечтать.

<http://bllate.org/book/17091/1600259>